

* * *

Не деньги я зашибаю
и не девок соблазняю.
Я компьютер юзаю
со своєю музою.

* * *

Стих — сказал Тучков Володя — это —
отпечаток личности поэта.
И когда дойдёт до воскрешенья —
глядь! — и вот твоё стихотворение!
Индивидуальный отпечаток
и не думай делать без перчаток!
Или слёзы все твои (скупыя)
обнаружит дактилоскопия.

* * *

Я живу в первичном мире,
в том, который был ВСЕГДА.
Тут не мчат автомобили,
не роятся города.
Тут не избы, а чертоги,
не сараи, а дворцы.
и живут тут только боги.
Только боги и творцы.

* * *

При участии бурного чата,
и при помощи чувственных фибр
у стиха народились стишата,
но один оказался верлибр.

Укоряя неверную рифму
в грешной связи с коварным эссе,
стих ревел: «Уж не знаем ли их мы,
этих импортных! Жулики все!

Ты с романом имела свиданье.
И с рассказом! Забыла уже?!
Погляди на своё препинанье
в пресловутом развратном ЖЖ!

И совсем уже ты обнаглела,
когда, звуков и букв не стыдясь,
развела, как какая новелла,
откровенную прозу и мразь».
И, потупясь, как пальцы, ломала,
слог за слогом, смущённая мать
и ублюдку сурово сказала,
чтоб умылся и шёл рифмовать.

ПЕРЕДОВЕРЯЮ

Перстов пинцетам беру ль, ки-
нетической силой духа ль
рифм невесомые бирюльки,
разграфоманившийся ухарь,
или в ночную заваруху
вникаю кукишами взора,
подобно лёгких мыслей пуху
играя пуговками вздора,
в любом из этих выкрутасов
я, сам себя образумляя,
не захожусь в пылу экстазов,
а вам их передоверяю.

* * *

Завитушки, стрелочки,
крестики, крючки,
радостные мелочи,
лёгкие стишки.
Светлая недалёкая
путь-дорога-сон.
Жизнь орнаментальная.
Опыт невесом.
И как Баба ступою,
прогремит во сне
мудрость недоступная,
рея в вышине.

* * *

Ах, возьмите меня в антологию!
Я ж поэт, а не кто-нибудь там!
Я стихи написал уже многие.
Знаю рифму и на «Мандельштам».
И душа у меня поэтичная,
так и лётает туч поперёк.
Если надо — и по-неприличному,
то, что модно сейчас, я бы смог!
У меня и прозрения глубокие,
я и лирик, и я гражданин.
Ну, возьмите меня в антологию,
все же там, только я тут один...

ЖАР-ПТИЦА

В жару, в мороз ли, в хмарь осеннюю
летая по обыкновению
над потом быта обходимого,
рулю красот небесных мимо, но —
наткнусь на россыпи бесценные
не требующей объяснения
и не востребованной массами
необъективной информации.
И потирая руки зябкие,
из одеяла встану в тапки я
и без стыда застихотворствую,
дурным наклонностям потворствуя.
И хладнокровно, преднамеренно
поймаю, хоть в окно, хоть в дверь она,
красивую и бесполезную
жар-птицу синюю поэзии.

* * *

Слова ко мне приходят отовсюду,
пиша себя и сами бормоча.
Ах, этих слов смурные пересуды
и букв переплетенья сгоряча!
Я, как садовник, отделяю плевел
от высокопородного зерна.
Ни ангел не указчик мне, ни дьявол.
Меня влечёт свободная волна.
Ни доброго не сею я, ни злого.
Моя задача состоит не в том.
Я реорганизовываю слово
примерно так, как яблоко Невтон.

КАК СТАТЬ КОРИФЕЕМ

Чтоб осуществить свои мира́жи,
дать судьбе подножку и нокаут,
надо быть похуже и погаже:
на верха хороших не пускают.

Извращенцем стать или тираном,
алкашом, абьюзером, фашистом
или, в самом варианте крайнем,
тихим аутистом в поле чистом.

Надо быть уверенным, как трактор.
Надо быть порывистым и страстным.
Надо проявить уметь характер.
И характер должен быть ужасным!

Вот тогда фортуна или кто там
может, глянет на тебя такого,
и весомо, а не анекдотом
зазвенит твоё любое слово.

И замрёшь по праву в пантеоне.
И записан будешь на скрижали.
И тебя как классика в законе
издадут посмертно — тиражами!

* * *

Я облысел, как Мандельштам
или какой-нибудь да Винчи.
А Пушкин кучеряв, как Блок
и нимбом шевелюр увенчан.

Есенин рус и русопят.
Маяк плешив, но рукотворно.
И реет а ореоле патл
Лукомников непревзойдённый.

Мы видим: волосатость не́
даёт ни тормоза, ни форы.
А я — поэт ли, не поэт —
но лыс и кое-как рифмую.

* * *

Размолот во времени ступке,
ступаю по жизни стерне.
Мужчина свершает Поступки,
а я их, практически, не.

Мне сколь ни закручивай гаек
и сколько препон ни чини —
поэт в рифмы печень влагает,
а я даже почку ни-ни.

В МИРЕ МУЗЫКИ

я лирикой себя не мучаю
не отражаю страсти-горести
ведь мне важны одни созвучия
да небывалой рифмы поросли
ну что мне например политика
или положим эколожество
или вмешательство поллитры как
спасения от бед что множатся
они конечно мне темяшатся
и озабочен многократно я
но не впускаю их сумятицу
в миры приватные приятные
я проживаю в мире музыки
а не какой-то там реальности
лишь с верхней сферой союзник я
что мне до низменного яруса

* * *

Я не был нигде, но не чахну в тоске.
Творю я не оком, но ухом.
Не мятой лепёшкой, пришитой к башке,
а тайным и внутренним слухом.

А он из любых тындыр-мыр и бля-блям
устроит такую музы́ку,
что капища бросить придётся богам
без всякого вяку и рыку.

Их место займёт несгибаемый вкус,
и пусть оно вечно не пусто!
Сим самым муру побеждает искус,
который зовётся искусством.

БЕСПОЛЕЗНЫЙ, НО НЕ ВРЕДНЫЙ_____ 01.11.

*Когда б вы знали, из какого сора
нам всем и всё творить придётся скоро!
Давно уж человечеству охота
избавиться от каждого отхода.*

Выдаю себя за якобы поэта.
То хватаюсь за перо, то за курсор.
Для стихов из каждой урны и кювета
отбираю самый качественный сор.

Из которого леплю я и ваяю
безделушки без оглядки на букварь,
как какой-нибудь препод из ОИЯИ¹
ежедневно интегрирующий кварк.

Не по делу, а ля-ля и словоблудье,
лишь бы рифму покурчавей завернуть.
А всю жизнь стоять на этом перепутье —
очень многих из не очень славных путь.

Если кто меня осудит — это бредни.
Ихний суд мне что с вареньем пирожок.
Я хотя и бесполезный, но не вредный,
что уже в каком-то смысле хорошо.

¹ ОИЯИ — Объединённый институт ядерных исследований (г. Дубна).

* * *

Я появился в лучший день в году.
Мне дали имя — лучшее на свете.
Дудю я в самодельную дуду —
естественно. Как в арфу дует ветер.

Не знаю ничего и ни о чём
и что почём не ведаю — зачем мне!
Но и, пока ни в чём не уличён,
дудю, предупреждениям не внемля.

И вот придёт когда-то время Ч
во вторник или даже в воскресенье,
и я, дудя, покину вас вообще.
Оревуар. Приятного дуденья.

ЭПИТАФИЯ ПОЭТУ-ЮМОРИСТУ

Сочинял чувак стишки,
ждал от вас ухмылки.
Сделайте ж своё хи-хи
на его могилке.